

Если вы читали «Кофейню», то забудьте ее.

В мои двадцать два вещи остались прежними, изменился мой взгляд на них. Прошло три года с тех пор, как я написал первую книгу. И могу теперь сказать точно, что в девятнадцать я еще не умел рисовать...

Посвящается каждому моему читателю, каждому незнакомому мне человеку, каждому прохожему, однажды остановившемуся возле этой книги.

Спасибо вам за то, что я есть.

И тебе, моя главная женщина, мое вдохновение, моя Ляля.

Спасибо тебе за то, что мы есть.

Вячеслав Прах

ВСТУПЛЕНИЕ

Я любил ее... Нет, не так, как любят своих женщин сильные мира сего. Я любил ее, как ребенка, пусть и наивно, пусть безответно. Порой мне не нужен был ее ответ на мои чувства, это только влюбленность требует взаимности. Я любил ее безусловно, потому что не важно, сколько красоты она вкладывает в слово, когда ее губы сотканы из прелести земной. Лучшей ее прелести. Слова горчат, губы — нет.

Я любил ее так нежно, словно она — редчайшего вида альбинос, и ее снежную кожу можно ранить одним неверным касанием. Властные касаются грубо, властных не касаются в ответ. Грубость мужская — это небрежность, в первую очередь к женщине, а вот ее я берег. Мы

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

храним лучших женщин мира в рамках, я ее хранил у себя в постели. Во сне. И внизу живота. Нельзя беречь то, что разбито, и когда мы разбивали бокалы, то выбрасывали их осколки. Красивые были бокалы, но из них теперь не выпить вина. Прошлое больше не кровоточило, будущее плыло в сторону мечты, настоящего нет, нам так казалось, что его нет.

Я любил ее без рамки. Никогда не любил целовать холодную фотографию, только теплую кожу, только горячие губы, только сухие глаза, иногда даже мокрые, только веки и нос. Гордые не любят, когда их целуют в нос. Дети тоже. Я любил ее... Но сказать, что она меня не любила — это ложь. Я просто не требовал от нее такой любви, которую давал. И всего. Я позволил себе раствориться в ней, я позволил себе испытать самое сильное чувство — когда я умираю, чтобы вновь возродиться, когда я возрождаюсь, чтобы снова умереть. Мне кажется, что я познал жизнь через нее. Я познал себя.

Я любил ее — это все равно что — я губил ее, ведь нельзя же любить, не погубив. Не растоптав. Не испачкав собой. Не предав. Не убив. Не уничтожив. Нельзя!

Я любил ее, не погубив. И каждым своим последующим словом я докажу, что можно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Пьеро»

Там делают самый вкусный кофе в городе. Там, где когда-то произойдет трагедия. Там, где в другом конце зала я встречу твоего убийцу. Ты сейчас меня ведешь в то место, где обретешь свое бессмертие.

Ты давно умерла. И только спустя год я взял в руки карандаш и блокнот, так странно, ручек в моей квартире не было, только карандаш. Я начал писать, так как это было моим спасением. Одним из тех кругов для утопленника, который бросают на шею, когда в легких уже смертельное количество воды. Еще и картины... Я рисую. Нет, я рисовал. Когда-то давно, вчера или месяц назад, может, три. У меня нет календаря, чтобы следить за временем,

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

а потому я наблюдаю за людьми из окна. Они живут, черт возьми, нет, они проживают, отматывают свою жизнь, ускоряют ее ранним утром, замедляют поздним вечером, они пытаются обойти время, вот только его невозможно обойти. Жизнь обходит их стороной. Обгоняет. Они не живут, а лишь просыпаются, чтобы снова уснуть. И я не живу. Не дышу — так будет точнее.

Если бы я знал, что в другом конце города, нет — мира, ты есть, дышишь со мной одним воздухом, смотришь из своего окна на соседний дом и проезжающие автомобили внизу, то я, даже не зная твоего имени, отправился бы в кругосветное путешествие и всю свою жизнь посвятил бы поискам тебя. У меня даже твоего фото нет. А оно и не нужно. Я бы искал тебя сердцем. Если бы я знал, что ты на другом краю земли, то прожил бы свои оставшиеся годы счастливым, ведь шанс найти то, что есть, даже один на миллион, настолько велик, что задурманивает мой рассудок. У меня начинают трястись руки, с этим ничего не поделаешь. Не всегда разборчивый почерк. Но вот шанс найти то, чего в этом мире нет... Другими словами — дорога в петлю намного ближе. Тебя нет. А твой фантом ходит со мной повсюду.

КОФЕЙНЯ В СЕРДЦЕ ПАРИЖА

Твоя копия, образ твой, который я придумал для себя, он шит из памяти моей. Ты в этом образе такая, какой я тебя запомнил.

— Пей, пока горячий. Холодным он будет невкусный, — сделала глоток моя неявственная, окутанная туманом, Женщина. Мы сидели в самом конце зала, где нам никто никогда не мешал, и стука двери не было слышно. Она сидела напротив меня, за спиной у нее было окно, за спиной у меня — другой столик.

Я в тот момент не смотрел на нее так, словно эта встреча будет прощальной, словно больше никогда ее не увижу. Закрываешь глаза, открываешь их, а перед тобой пустой стул. И чашка горячего кофе.

— Ваш счет.

Этот высокий, худой официант с безразличием в глазах, он единственный и неповторимый, других тут нет.

— Я возьму с собой.

Он, наверное, давно уже привык, что я могу часами разговаривать с пустотой. Или, может быть, он думает, что я обсуждаю прохожих, которых видно, если смотреть в окно? В любом случае, ему придется смириться с этим, так как других посетителей в этом месте нет. Пока нет.

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

Там делают самый изысканный кофе. Одна чашка на двоих...

Твой убийца никогда не пил кофе. Он заказывал себе стакан воды. Я наблюдал за ним девять месяцев и каждый день, проведенный с ним, я молил Бога, чтобы он не умер от сердечного приступа или же от судьбы. Я — теперь его судьба. И ему осталось жить совсем недолго. Девять проклятых месяцев я вынашивал план своей мести. Он не мог никуда убежать, он не мог умереть внезапно, без моего ведома — это было исключено, я преследовал его за каждым углом, наступая на пятки. Он чувствовал меня затылком, но не имел смелости обернуться, чтобы посмотреть в мое лицо. Париж обречен. Ведь если ты нажал на курок, то пулю уже не остановить. Она обязательно попадет в свою цель. Пуля — не человек, у нее нет сердца и предрассудков. Пуля справедливее судьи, у нее не бывает неверного приговора.

Спустя месяц в эту кофейню вошел мужчина, крупный человек с надменными повадками в дорогом костюме. Он заказал себе кофе с виски и заказывал его каждый последующий день. Он никогда не оставлял чаевые. Да, у богатых такое явление не редкость — считать

КОФЕЙНЯ В СЕРДЦЕ ПАРИЖА

каждую свою копейку, и тот факт, что он попал в эту кофейню, мог показаться удивительным стороннему наблюдателю. В таких костюмах не привыкли заходить в такую дыру. Но проблема была в том, что он, как и я, приходил в это место с конкретной целью. И однажды вечером, перед самым закрытием, он достал из кармана пистолет и направился к тому человеку, нет — к тому существу, которое я до самых низов своей души ненавидел.

Я встал со стула и направился к нему.

— Не нужно, отец. Не сейчас, — сказал я мягко и тихо, чтобы никто не услышал.

А затем взял из дрожащих рук этот тяжелый предмет.

— Не сейчас, — повторил я ему, когда присаживал большого человека на стул, тем временем вкладывая пистолет обратно в его же карман. — Я сделаю это сам. Я тебе клянусь, отец, что сотру его с лица земли и закопаю в соседнем парке. Ты же знаешь, там выгуливают овчарок, у них хороший нюх, и о его смерти услышит весь город.

Он махнул мне рукой, чтобы я немедленно уходил и оставил его в покое. Тем временем я заметил, что убийца ушел. Только стакан с водой и десять долларов на чай. Щедрость —

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

это величие души. Не так ли, Париж? Я присел на его стул, чтобы еще раз почувствовать его запах. У овчарок хороший нюх...

* * *

Настоящего нет. Если бы я знал, что мое настоящее станет со временем прошлым, то смаковал бы каждую минуту, проведенную с тобой. У нас было много минут, много часов. Дней — меньше. Мы настолько с тобой стали близки, что разучились разгадывать тайны друг друга. Вникать в секреты души, с интересом любоваться повадками, которые другим казались странными, неестественными. Мы с тобой уникальны, ты и я, я и ты. Мы воспитаны разными людьми, и кровь у нас разная, но в какой-то момент мы с тобой стали, как близнецы. Мы успели заразиться друг другом и переняли один у другого не самые лучшие черты. Это ошибка. Вдох...

Я не знаю тебя, и жизни бы не хватило, чтобы тебя познать. Самое большое человеческое заблуждение — это поверхностная любовь. Какая глупость вторгаться в тело, не познавая его души.

Я бы многое отдал, вот только мне нечего больше отдать. Я бы отдал свою жизнь, это

КОФЕЙНЯ В СЕРДЦЕ ПАРИЖА

единственное, что у меня осталось. Моя жизнь стоит один патрон. И я бы отдал его за то, чтобы еще раз прикоснуться к телу и достать до твоей глубины.

Шедевр... Мой шедевр... Губы, сотканые из лепестков розы... Глаза бездонного цвета. Я падаю на самое дно, Донна моя. Я растворяюсь во тьме этой комнаты, исчезаю. Я возрождаюсь под пронзительным взглядом картин. Моих работ. Ты повсюду. Все стены оббиты тобой, все окна выходят к тем местам, где хранятся мои воспоминания о тебе, к тем знакомым, забытым чертам, которые я пытался выжечь из своего больного сердца. Я не испытываю боли, когда болеет оно, боль испытывает меня. Изнутри. И снаружи. Лиана...

Кричишь во все горло. Ли-а-на. Просыпаешься ночью, на мгновение вырвавшись из своего кошмара. Ли-а... Накрываешь одеялом лицо. Дышать тяжело, а разве мы дышим? Я больше никогда не назову твоего имени. Клянусь тобой!

Ты есть везде, куда смотрят мои глаза. Я теперь боюсь их закрыть, ведь там, где заканчивается этот мир, тебя еще больше. Сколько ему заплатили за то, чтобы искалечить мою жизнь?